

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

КАРТИНКА

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Картинка

Аннотация

«Был страстной четверг. Весна только начиналась. В прозрачных сумерках далеко вырисовывались загородные домики. На западе еще догорала красная полоска заката, и небо казалось прозрачным, и в нем темными силуэтами точно отражались застывшие на холме деревья. Ближе к шоссе можно было рассмотреть молодую зелень деревьев – тонкую и нежную, как паутина...»

Николай Гарин- Михайловский

Картинка

Был страстной четверг. Весна только начиналась. В прозрачных сумерках далеко вырисовывались загородные домики. На западе еще догорала красная полоска заката, и небо казалось прозрачным, и в нем темными силуэтами точно отражались застывшие на холме деревья. Ближе к шоссе можно было рассмотреть молодую зелень деревьев – тонкую и нежную, как паутина.

По шоссе шло в церковь целое семейство: трое детей, фрейлейн и горничная. Девочка, гимназистка подросток, худенькая и настороженная. Немного поменьше мальчик гимназист, черномазый и быстрый и пользующийся всяким удобным случаем залезть в канаву, перепрыгнуть через лужу, что-то поискать в кустах, а то и порыться в земле. Третий был тоже мальчик лет четырех. Он шел с открытым ртом, держась за руку фрейлейн и шагал в каком-то забытии, как автомат. Фрейлейн то и дело по-немецки окрикивала его.

– Смотри же, Гаря, куда ты идешь? Прямо в грязь.

– Когда же я не видел! – отвечал ей мальчик тоже по-немецки, как будто рот его был набит кашей.

– Ах, глупый! ты разве слепой?

Мальчик не достаивал ответом.

– О чем ты думаешь?

– Я думаю о той собаке, которую, помните, мы видели в овраге. У ней щенки были.

– В каком овраге? какая собака?

Мальчик не торопясь ответил:

– Помните, в деревне, когда мы ехали в гости к Карповым?

Фрейлейн только вскрикнула: «ах!» – и залилась веселым смехом. Она даже выпустила руку мальчика и всплеснула руками.

– Это, знаете, он вспомнил, когда прошлым летом мы ехали к Карповым. И действительно мы видели в овраге собаку с щенками. И как он все помнит? И как будто ничего не замечает, а потом через год вдруг вспомнит. И все, все помнит. Ах, ах, ах!

И фрейлейн еще звонче засмеялась, а с нею вместе смеялась такая же, как и она, молоденькая горничная Таня, смеялась и девочка и старший мальчик. Только Гаря оставался все таким же, как будто он был в состоянии какого-то забытья, и шел с слегка открытым ртом и с напряженной складкой на лбу.

– Фрейлейн, фрейлейн! а щенки теперь выросли и забыли свою мать? – спросил он.

– Нет, вы знаете, что он со мной сегодня в магазине сделал? Прихожу я с ним в магазин, и вдруг входит батюшка. И глупый мальчик, разве он мало видел священников в церкви,

а тут схватил меня за руку и кричит на весь магазин: «Фрейлейн, фрейлейн, смотрите, смотрите! Это мальчик или девочка?» Я просто не знала, куда мне деваться. Приказчики все фыркают, а я ему скорее говорю на ухо: «Мальчик, мальчик». А он опять: «А зачем у него длинные волосы? Он стричься не давался? Ха-ха-ха!» Все в магазине так начали смеяться над Гарей, а я его схватила за руку и убежала.

Смеялись все, а Таня даже присела от смеха.

– Ах, глупый, глупый! – говорила фрейлейн, – ты разве никогда не видел батюшку? У всех батюшек всегда длинные волосы.

– А у пастора короткие, – ответил мальчик.

– Вот, значит, заметил, а сам всегда в кирке спит.

– А в церкви спать нельзя, – ответил Гаря, – потому что там надо стоять.

– А куда ты любишь больше ходить? – спросила его девочка.

Мальчик ответил:

– Я не знаю.

И, подумав, с самодовольством в голосе сказал:

– В кирке удобнее.

И опять все долго смеялись. Девочка, перестав смеяться первая, сказала:

– Ну, Гаря, ты так нас совсем уморишь от смеха. Мы и до церкви с тобой не дойдем.

В это время старший мальчик перепрыгнул через лужу и

попал ногою в другую.

Общее «ах» забрызганной компании было ему ответом. А затем фрейлейн и девочка стали его отчитывать и стыдить за шалости. Мальчик смущенно оправдывался, твердя:

– Черт, кто же знал, что там еще лужа!

Гимназистка досадливо ответила:

– Да ну тебя! Кажется, уж началось, идем скорей.

На повороте дороги в темноте показались ярко освещенные окна церкви.

Все пошли быстро, и только фрейлейн немного отстала, буквально таща за руку неуклюжего Гарю.

– Ах, боже мой! – оглянулась на них гимназистка и крикнула: – Ляленька, разбудите его!

Затем сама бросилась к ним и, схватив Гарю за другую руку, любовно грубо поволокла его вперед, приговаривая:

– Ну, ты, однобокий, просыпайся!

Когда все они подошли к самой церкви, гимназистка опять заволновалась:

– Ай, сколько народа! Ни за что не проберемся вперед!

– Ну, не проберемся, так не проберемся, – ответил гимназист.

– Хоть бы к прилавку со свечами пробраться.

В конце концов в церкви оказалось вовсе не так тесно, и все наши путники легко пробрались к прилавку и прошли вперед до самой решетки.

Между старшими решено было Гарю свечи не покупать,

так как это легко могло бы кончиться тем, что он не только бы мог закапать платье, но, пожалуй, еще и сжег бы своих соседей.

Когда Гаря увидел у всех в руках горящие свечи, он, по обыкновению громко, спросил брата:

– Сережа, Сережа, отчего у меня нет свечки?

Гимназист на мгновение задумался, затем наклонился и прошептал брату на ухо:

– Денег не хватило тебе на свечку.

Гаря на минуту задумался и потом обратился к сестре:

– Дюся, Дюся, у тебя есть деньги?

Дюся быстро наклонилась к брату и сказала громким шепотом:

– Не кричи в церкви: у меня нет денег!

Гаря опять задумался и тем же голосом с тем же вопросом обратился к Ляленьке.

Раскрасневшаяся Ляленька с золотистыми волосами наклонилась и что-то долго шептала Гарю.

Гаря внимательно выслушал, подумал и обратился к Тане:

– Таня, Таня, у тебя есть деньги?

Все фыркнули, а Таня, смущенная и ласковая, наклонилась и прошептала:

– Нету, дорогой Гаричка...

Затем вышел на амвон батюшка и начал читать евангелие. Молящиеся внимательно слушали чтение священника, и в церкви царил благоговейная тишина. Вдруг на всю церковь

раздался у прилавка, где продавались свечи, густой для его лет голос Гари:

– Дайте мне свечку без денег!

Ему немедленно дали свечку, и немного погодя торжествующий Гаря стоял около своих с такой же, как и у всех, свечкой в руках.

Он никого из соседей не сжег, даже не закапал платья – ни своего, ни чужого, и, как и другие, в фонарике, сделанном из бумажки, принес свечку домой.

Дома за чаем, умирая со смеху, фрейлейн, брат и сестра рассказывали историю с Гарей, а сестра тормозила его при этом и кричала над его ухом:

– Ну как тебя только хватило сообразить такую штуку!